

Считаю, что мне повезло, впрочем, как и многим другим, обучавшимся на физтехе УПИ, и я даже счастлив до сих пор из-за того, что учился там. Следует сказать, что оценка, которая здесь изложена, дана с высоты 66 лет человеком с 47-летним стажем и проработавшим 45 лет доцентом вуза на кафедре общей и неорганической химии. Самое главное то, что эти годы я не отрывался от студенческой и преподавательской среды, активно занимался наукой, научно-методическим творчеством и воспитанием молодежи. И вот именно с этих позиций, исходя из этого жизненного и производственного опыта я высказываю некоторую оценку тому, как мы, физтехи, учились и просто жили. Прежде всего хочу отметить, что физтех создан в 1949 году и студенческий коллектив на физтехе был сформирован из наилучших студентов прежде всего металлургического и химического факультетов. Это обстоятельство сразу же объяснило очень высокий интеллектуальный потенциал на физтехе. Студенты этого времени Штольц, Пузако, Распопин, Красотин, Дмитриев и другие для нас, первокурсников, принятых в 1950 году, были гигантами мысли и образованности. В 1949 году был первый, так сказать вольный прием. Проходной балл был очень высок, собрались в основном отличники и твердые хорошисты. Задавали тон в учебе и комсомольской работе такие ребята, как Жданов, Фотиев, Елхова и другие. На наш первый курс в 1950 году также пришло много отличников, например Коновалов, Балакирев, Тетерин, Поташников, Слободин и др. Я поступил в качестве твердого хорошиста. Такой контингент студентов predetermined негласную мораль: учиться без троек. Тройку было получить очень стыдно, и если получали, то старались немедленно исправить. Уверен, что среди выпускников физтеха, принятых в 49–50-х годах, троек в приложении к диплому нет. Двойки случались, но крайне редко, и это было ЧП, известное чуть ли не всему курсу и части факультета. Вспоминая студенческие потоки, которые прошли через меня за 45 лет работы в вузе, могу отметить, что потоки, подобные физтехам 1949–1950 годов набора по суммарному интеллекту толпы встретились мне всего два раза. Обучаясь в 19-й группе, я встретил очень хороший коллектив и опять скажу – счастлив этим. В группе старостой был Евгений Казанцев – член ВКП(б), уже окончивший техникум, старше нас года на 4. Но это существенно. Мы все 1931–1933 годов рождения чувствовали, что это великан, прирожденный лидер. Он учился на 5 и 4, но и круглые отличники его очень уважали, все чувствовали, что он мудрее нас. Не могу не отметить очень

большого влияния, которое оказывал на нас, пацанов, Саша Садовников. Он был фронтовик, вернулся из Германии, демобилизовавшись в 1949 году, и сумел поступить на физтех. Он был гораздо старше нас, наверное ему было 21–22 года, а может и 25. Он также был член ВКП(б), воевал, имел боевые награды, мы чувствовали, что это заслуженный человек, не то что мы, пацаны, что он много сделал для Родины. Садовников вел себя с нами просто, был доступным для любой беседы, был старшим хорошим товарищем. Неосознанно, но волей-неволей мы, молодые, перенимали ценные и хорошие черты у старших ребят, и это нас спонтанно дисциплинировало и многим обогащало. На их примере я сейчас понимаю, как важно для детей иметь в семье хорошего старшего брата или сестру или внимательного к воспитанию детей отца или деда.

Ненавязчивая передача опыта жизни – это очень важно.

В группе у меня сложились очень хорошие товарищеские отношения со всеми, но особенно близкие возникли с Юрием Поташниковым и Генрихом Тетериным. Эти дружеские, очень теплые, заботливые отношения, основанные на глубоком понимании друг друга и общих интересах, прошли через нашу 66-летнюю жизнь и остаются до сих пор. Эта дружба возникла как-то сама собой. Юрий и Генрих были очень начитанными, не стеснялись этим блеснуть. Учились оба на отлично, Юрий писал стихи, Генрих неплохо рисовал, оба работали в БОКСе. Часто возникали споры о литературе, искусстве, спорте. Вместе мы ходили на вечера в УрГУ, в мединститут. Все трое на 3–4 курсах обзавелись семьями. Дружеские и бесконечно теплые отношения сложились с Толей Неуйминым и Володей Кириченко. С Толиком мы часто готовились к зачетам и экзаменам. Я как пристяжная за коренником тянул воз учебы. Примерно такое же было с Толиком Толстогузовым. Трудно передать какое-то спонтанное, природное понимание и желание быть рядом, говорить, общаться, вместе учить, что-то обсуждать. И сегодня хочется всем им крикнуть: «Юра, Гена, Вова, оба Толика! Я все еще люблю вас, дорогих моих друзей студенческих лет, дай Бог Вам здоровья и долгих лет жизни и счастья!» В эти годы, 1949–1950 и далее, на физтехе начало формироваться нечто вроде большой семьи, так сказать пещерного рода, ибо после окончания факультета и разъезда на места работы многие физтехи продолжали поддерживать отношения, не теряли друг друга, находили через 2-х, 3-х лиц и общались. Вот и это эссе-воспоминание является следствием общения с Борисом Хорошиловым. Примерно где-то в 1986–1987 годах он разыскал меня, будучи в командировке в Волгограде, и с тех пор мы поддерживаем связь. Такая связь с Борисом позволила мне пообщаться с Е.Казанцевым, М.Ореховым и другими ребятами. Очень вдохновлял развитие таких связей С.П.Распопин, организуя под своим крылом встречи и сборы физтеха. Делясь воспоминаниями о физтехе, нельзя не вспомнить наших прекрасных неза-

бываемых учителей. Многие из физтехов достигли высот в своей трудовой жизни. Например, Е.Казанцев был ректором, заместителем министра высшего образования; В.Балакирев сейчас член-корреспондент РАН; Е. Ткаченко был ректором, министром образования России; А.Толстогузов – дважды лауреат Государственной премии; В.Коновалов был министром атомной промышленности, многие физтехи – доктора и кандидаты наук; ваш покорный слуга, автор эссе – кандидат технических наук, доцент, награжден достаточно редкими знаками – «Отличник высшего образования» и «Изобретатель СССР», имеет 47 авторских свидетельств. Вспоминая учителей, хочу отметить нашего математика М.А.Саксонова. Он безумно любил свой предмет и безумно любил студентов и верил в их интеллект. Выражалось это в том, что он не делал упреков по поводу невыполненного задания и призывал к делу, вдохновлял. Он говорил: «Как же вы не сделали домашнее задание, ведь это же так интересно, решение так остроумно. Я уверен, что вы можете это решить, и к следующему разу непременно докажете это». Ну как можно было не поверить в себя, если в тебя так верил твой учитель. Этот стиль работы со студентами я вспомнил, когда начал педагогическую деятельность, и взял на вооружение. Вспоминается профессор С.И.Попель, который читал статистическую термодинамику. Он был очень суров на лекциях и семинарах, жестко требовательный, и мы очень боялись его экзамена, думали, что зарежет всех. Но каково же было наше удивление, когда на экзамене нас встретил душа-человек. Оказалось, что его тезис – требовать и учить надо в году, экзамен – это триумфальное завершение предмета. Этот пример, с моей точки зрения, также и пример для подражания. Вспоминается наш декан Евгений Иванович Крылов. Осталось в памяти, что он с каждым студентом здоровался за руку. Став доцентом, я вспоминал это, анализировал и понял, что Евгений Иванович был бесконечно добрым человеком, видел в младших товарищах, студентах младших коллег, относился к нам в высшей степени уважительно, ценил в каждом человеческое достоинство. Для меня лично он неподражаем, не каждому дана такая глубокая и одновременно широкая душа. Вспоминается событие, происшедшее на первом курсе. Во втором семестре математику начал читать доцент Е.А.Барбашин, и где-то в мае он защитил докторскую диссертацию, в Москве. Эта весть облетела поток, и когда он вошел в аудиторию, студенты встретили его стоя аплодисментами. Факт этот ярко свидетельствует о высоком интеллекте коллектива. Никто нас не подогревал в этом плане, самопроизвольно нашей толпе было свойственно ценить успех, и прежде всего успех интеллекта.

Вспоминается доцент Матусевич, он читал курс «Процессы и аппараты химических производств». Читал строго, с математическими выкладками, но и инженерные решения он обыгрывал глубоко и тонко. Изобретательскую жилку пробуждал именно он. Вспоминаю сво-

его руководителя по диплому – профессора Н.В.Деменева, а также читавшую спецкурсы профессора А.К.Шарову. Н.В.Деменев в курсе «Металлургия редких металлов» старался донести до студентов не столько суть процессов, их физико-химические основы, сколько аппаратное оформление, т.е. оборудование. Для практической работы это оказалось очень полезно, но у нас оставалось впечатление, что как будто он недостаточно знает химтермодинамику, кинетику, химическое строение и пр. Однако впоследствии, уже работая научным сотрудником и присутствуя на ученом совете по защите диссертаций, я понял, что это было ложное впечатление. Его вопросы, выступления доказали, что он профессор и в теории. Стало ясно, что он, так сказать, приземлял нас, приближал к собственно производству. Ну что же, это тоже яркий педагогический метод.

Моя первая научная дискуссия произошла при защите диплома старшим преподавателем А.Н.Барабосхиным. Я ему проиграл в вопросах теплопередачи в печи и он настоял на оценке «хорошо». Зато он меня запомнил и здороваются до сих пор, а ведь он – академик РАН. Он прост в обращении, как и наши первые учителя по физтеху.

Об учебе на физтехе каждый может написать многое. Но главное, физтех – это высокий интеллект, крепкая многодесятилетняя дружба и замечательные, добрые и в то же время требовательные учителя. Учителям и товарищам спасибо за то, что пришлось шесть лет по жизни идти с ними рядом.

Выпускник
1956 г.

ПОТАШНИКОВ
Юрий Моисеевич

«БОКС» В МОЕЙ ЖИЗНИ

Кто придумал эту феерическую, сногшибательную аббревиатуру? Кто первый сказал «Стоп!» и развел вульгарных драчунов, разбивающих друг другу носы? Кто умыл их, надел фраки с бабочками, научил шутить и зубоскалить и торжественно провозгласил: «БОКС!»? Не знаю, как насчет сатиры вообще, а комсомольская сатира родилась в УПИ, в «БОКСе».

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ

Я впервые пришел в редакцию в начале шестидесятых, скорее всего в 1953 году, студентом третьего курса. Кстати, по календарным канонам, шестидесятые годы предшествуют шестидесятому, а не следуют за